

Ю.С. Русова

Независимый исследователь,
111677 г. Москва, Российская Федерация

Текстильные изделия из погребальных комплексов знатных женщин России и Речи Посполитой в XVI–XVII вв.: сравнительный анализ

Статья посвящена женской одежде, головным уборам и погребальным облачениям из усыпальниц XVI–XVII вв. на территории России и Речи Посполитой. Целью данной работы является объединение изысканий отечественных и польских историков. В центре внимания автора находятся следующие проблемы: сохранность, качество и происхождение материала, покроя одежды. Дана сравнительная характеристика гардероба знатных женщин из погребальных комплексов России и Речи Посполитой. Выявлены три категории археологического текстиля: одежда, которую носили при жизни, облачения, специально пошитые к погребению, и комбинированный вариант. Сделан вывод о схожем составе погребальных комплексов двух стран, отмечено влияние западной моды на покроя польской женской одежды, при сохранении самобытных черт костюма русских цариц в этот период. Подчеркнуто важное значение женского головного убора для средневекового человека, что подтверждается присутствием в некрополях знатных людей волосников на Руси и кружевных шапочек в Речи Посполитой. Трудоемкий процесс их изготовления позволяет сделать вывод о том, что они не были подготовлены специально для погребения, а составляли часть женского гардероба при жизни и являются высокими произведениями декоративно-прикладного искусства своего времени.

© Русова Ю.С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: погребальные облачения, польский женский костюм XVI–XVII вв., одежда русских княгинь и цариц, головные уборы русских княгинь и цариц, Речь Посполита в XVII в.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Русова Ю.С. Текстильные изделия из погребальных комплексов знатных женщин России и Речи Посполитой в XVI–XVII вв.: сравнительный анализ // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 1. С. 115–132. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-115-132

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-115-132

Yu.S. Rusova

Independent researcher,
Moscow, 111677, Russian Federation

The textiles from the burial complexes of the noble women of Russia and Poland in the XVI–XVII centuries: A comparative analysis

This article reviews the women's clothing, headdresses and funeral vestments from the tombs of the XVI–XVII centuries on the territory of Russia and Polish-Lithuanian Commonwealth. The purpose of this article is an attempt to combine the research of Russian and Polish historians. The author is interested in the preservation, quality and origin of the material, the cut of clothing. A comparative characteristic of the wardrobe of noble women of Russia and Polish-Lithuanian Commonwealth is given. Three categories of archaeological textiles have been identified: clothing worn during life; vestments specially sewn for burial, and combined complexes. The author made the conclusion about the similar constituent of the burial complexes of the two countries, the influence of Western fashion on the cut of Polish women's clothing is noted, while preserving the distinctive features of the costume of Russian tsarinas during this period. The importance of a female headdress for a medieval world is noted, which is confirmed by the presence of volosnik in Russia and lace caps in Polish-Lithuanian

Commonwealth in the necropolises of noble people. The laborious process of their manufacture allows us to conclude that they were not made specifically for burial, but were part of a woman's wardrobe during her lifetime and are high works of decorative and applied art of their time.

Key words: funeral vestments, Polish women's costume of XVI–XVII centuries, clothing of Russian of noble women and tsarinas, headdresses of Russian of noble women and tsarinas, Polish-Lithuanian Commonwealth in XVII century

FOR CITATION: Rusova Yu.S. The textiles from the burial complexes of the noble women of Russia and Poland in the XVI–XVII centuries: A comparative analysis. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 115–132. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-1-115-132

С конца XVI в. в покрое костюма высших сословий в России и Речи Посполитой наблюдаются схожие особенности. Для пошива используются привозные, восточные и европейские ткани. Круг материальных источников по данной теме невелик, т.к. элементы одежды русских княгинь и цариц XVI–XVII вв. в российских музеях представлены также немногочисленно, как и женский костюм знатных сословий этого периода в музеях Польши. В этой связи наиболее ценным источником становится погребальная одежда XVI–XVII вв., исследования которой стали возможны относительно недавно и, как правило, были связаны с необходимостью реставрации архитектурных памятников. Облачения, извлеченные из захоронений, содержат много информации, отражают социальное положение человека и могут быть изображением ментальности общества. Археологические источники дают возможность узнать, каково было отношение человека Средневековья к смерти, а также значительно расширяют сведения о тканях, покрое и фасоне одежды в XVI–XVII вв.

Целью данной работы является попытка объединить изыскания отечественных и польских историков, дать сравнительный анализ, выявить схожие и отличительные черты костюмов обозначенного периода на основе археологического текстиля, дополнить имеющиеся сведения фактами о покрое одежды, разнообразии материалов и работе мастеров из архивных документов. Рассмотрение исследований женских одеяний в разных странах в комплексе позволит обогатить имеющийся материал.

Обширные сведения по царскому костюму XVII в. собраны И.Е. Забелиным [3]. С 1980-х гг. появились специальные исследования, посвященные одеждам знатных родов из царских и боярских усыпальниц. Погребальный текстильный комплекс из усыпальницы Годуновых

в Троице-Сергиевой лавре был изучен Л.М. Спириной [7]. Погребальные облачения, одежду и головные уборы из усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре опубликовала И.И. Елкина [2]. Результаты комплексных исследований погребений XVI–XVII вв. содержатся в третьем томе труда «Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля» [5]. Для написания данной статьи были привлечены труды польских историков [9–12] и дана попытка сопоставить имеющиеся сведения о русских и польских текстильных комплексах женских погребальных облачений. В 1569 г. Великое княжество Литовское и Королевство Польское были объединены в новое государство – Речь Посполитую, в которое входили территории современных Польши, Украины, Белоруссии и Литвы, а также частично России, Латвии, Молдавии, Эстонии и Словакии. Поэтому термин «польский костюм» в данном случае будет использован в широком понимании этого слова. А информация из трудов историков современной Польши будет дополнена исследованиями, касающимися костюма знатных сословий на территории бывшего Великого княжества Литовского, в частности Белоруссии [8, с. 133–145].

Текстильные изделия, найденные в ходе археологических исследований, как в России, так и в Речи Посполитой, можно разделить на три категории. К первой группе относится одежда, которую носили при жизни. Вторую категорию составляют облачения, специально пошитые к погребению. Чаще всего это полотняные саваны, которые могли плотно закрывать все тело, иногда и вместе с лицом. Третья группа – комбинированная. В этом случае повседневная одежда дополнялась специальными погребальными облачениями. Под саваном могли быть надеты рубашка, платье либо другая повседневная одежда.

Русский женский костюм XVI–XVII в. отличался многослойностью. Женщины и девушки знатных сословий под основной верхней одеждой носили две рубахи. Нижнюю, нательную рубаху шили из льняной ткани и украшали скромно. Поверх нее представители царской семьи носили сорочку «красную», т.е. красивую, праздничную, шитую из шелковой ткани. Рукава верхних рубашек украшались жемчужной поднизью и делались длиной в несколько аршин. Их собирали во множество складок и закрепляли у запястья узким манжетом – опястьем. Ворот украшался вышивкой шелковыми цветными нитями и обычно оставался открытым. Рубашки обязательно подпоясывались. Появиться без пояса дома, а тем более при посторонних людях было неприличным поступком. В документах зафиксированы случаи покупки дорогих материалов, предназначенных для пошива именно верхних, красных рубах. Например, 14 сентября 1613 г. было куплено «полтора аршина

два вершка тафты кармазину червчатой» за 2 рубля 9 алтын, а «куплена в верх на Государевы сорочки»¹. Тафтой называлась однотонная шелковая ткань полотняного переплетения, а указание «кармазину червчатой» означало указание на ее цвет – насыщенно-красного оттенка.

Распространенным видом средней женской одежды знатных сословий на Руси была телогрея – длинное распашное платье с пуговицами или завязками спереди, с рукавами, свисавшими сзади, и проймами под мышками для рук. Для выходного платья использовались атласы (шелковая ткань), золотные и простые камки (шелковая однотонная узорная ткань), объяри (плотная шелковая ткань с волнообразными переливами разных цветовых оттенков), тафта, зуф, шерстяная ткань. К числу вторых или средних одежд принадлежала также шубка накладная, которая не имела застежки и надевалась через голову. Она шилась из плотных, тяжелых тканей: золотных бархатов, атласов, алтабасов (тяжелая ткань из шелка с узором, выполненным металлическими нитями с золотом, серебром), зарбафов (золотая или серебряная ткань с узорами шелковыми, серебряными и золотыми), объярей, камки. Через голову также надевался летник – вид накладного платья. Летник, разрезанный на полы, распашной, назывался распашницею или опашницею. Ее кроили из легких шелковых и золотных тканей, из камки, тафты, атласа. Верхнее летнее распашное платье из шелковой золотной ткани называлось опашень или охабень. Этот же вид одежды на меху (соболем, лисьем, горностаевом и др.) назвался шубой. Шуба, а иногда и другие виды одежды, например, шубка накладная, в холодное время года дополнялась накладным меховым воротником (ожерельем) [3, с. 632–647].

В погребении Елены Глинской 1538 г. находились фрагменты изделия из репсовой ткани, предположительно, туникообразного платья [5, с. 126]. Платье из погребения Марии Темрюковны 1569 г., имеющее снизу складки, было сшито из растительных лубяных волокон, вероятно, льна. Возможно, на платье была вышивка шелковыми нитями, т.к. было найдено большое их скопление на отдельных участках. Динные рукава, предположительно, были стянуты шнуром [Там же, с. 370–377]. Фрагменты репсовой ткани, обработка краев и наличие подобных образцов в других захоронениях могут свидетельствовать о том, что княгиня Евфросиния Андреевна Старицкая была одета в платье [Там же, с. 63–65]. Из саркофага Евдокии Владимировны Старицкой (1570) были извлечены разрозненные фрагменты туникообразного платья

¹ Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725: в 2 т. / сост. А.Е. Викторов. М., 1877–1883. С. 66.

из шелковой ткани с центральным неглубоким разрезом, богато декорированные золотным шитьем, обведенной по контуру шелковой нитью красного цвета. Очень длинные рукава имели ластовицы, а также манжеты, расшитые золотными нитями. Судя по расположению фрагментов рукавов в захоронении, а также по многочисленным заломам на золотном шитье, они были собраны в складки. Отдельно от платья были обнаружены крестики, сформированные из шнура и нашитые на ткань [5, с. 122, 126–127].

Иностранец И.Г. Корб в конце XVII в. так описывал одежду русских женщин: «Они носят рубахи, со всех сторон затканые золотом, рукава их, сложенные в складки с удивительным искусством, часто превышают длиною 8 или 10 локтей; сборки рукавов, продолжающиеся сцепленными складками до конца руки, украшаются изящными и дорогими запястьями»². Длина рукавов подчеркивала статус владелицы, которая могла себе позволить использование большого количества ткани. Кроме того, рукава, собранные в складки, позволяли сохранять тепло и служили дополнительным украшением костюма, особенно когда они были дополнительно украшены жемчужной поднизью.

Фрагменты ткани золотисто-коричневого цвета со стилизованным растительным узором из круглых цветов и гирлянд листьев из усыпальницы Марии Григорьевны Годуновой в Троице-Сергиевой лавре, очевидно, были частью платья царицы [6, с. 461]. Там же в гробнице инокини Ольги (в миру – царевны Ксении, дочери Бориса Годунова) были обнаружены фрагменты коричневой и черной гладкой шерстяной ткани (мухояра) – от схимы. Большой редкостью является сохранившаяся кожаная, на невысоком каблучке туфелька [Там же, с. 462].

В XVI–XVII вв. в России к погребению для княгинь, цариц и знатных женщин шились саваны, которые одевались поверх платьев, погребальные повязки-венчики и наволочки на погребальные подушки. Это подтверждается археологическими находками. В безымянном захоронении начала XVI в. из некрополя Вознесенского монастыря в Московском Кремле были найдены небольшие фрагменты савана из шелковой итальянской ткани XV в. Рисунок ткани представляет сложную форму медальонов и букеты цветов в медальонах между ними [5, с. 37–38]. Итальянские ткани в то время были наиболее дорогими и отличались разнообразием цветов и орнаментов. Ширина ткани составляет приблизительно 60 см. Фрагменты ткани с похожим узором были обнаружены в погребении царицы Софьи Палеолог. Однако восстановить рисунок

² Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / пер. и примеч. А.И. Малеина. СПб., 1906. С. 243.

ткани в данном случае исследователям не удалось, т.к. кусочки археологического текстиля были слишком малы [5, с. 39–40].

Для погребения супруги великого князя Василия III княгини Елены Глинской в 1538 г. саван общей длиной примерно 2,5 м также был сшит из двух отрезков итальянской камки, шириной 58–60 см и имел шов по центру [Там же, с. 121]. Самым распространенным рисунком на итальянских тканях XVI–XVII вв. был крупный орнаментальный мотив (первоначально цветок или плод граната), окруженный клеймовидным обрамлением из листовых побегов. Это построение, восходящее к восточному прототипу, имело в итальянских тканях XV–XVII вв. многовариантные примеры. Наиболее излюбленными были изображения стилизованных цветов и плодов граната, артишока, шишки пинии, дополненные изображениями вазонов и корон.

В середине XVII в. появляются образцы с более свободным расположением узора, без выделения центрирующей доминанты, что придавало таким тканям определенную легкость и изящество. Постепенно на тканях появляются узнаваемые цветы ириса, лилии, гвоздики, колосья злаков, гроздь винограда, изображения «рогов изобилия». Колористическое решение итальянских тканей отличалось достаточной сдержанностью, что было обусловлено в значительной степени ограниченным выбором местных красителей и высокой стоимостью привозных. Как правило, использовался один цвет, иногда дополненный незначительными включениями другого цвета либо золота и серебра. Ткани могли иметь красный, желтый, темно-синий, зеленый, фиолетовый цвета [1, с. 96]. Рисунок на ткани савана Елены Глинской представляет собой два медальона, в одном из которых плод граната, обрамленный листьями, а во втором – гвоздики в вазоне. Между медальонами расположена корона, плод и ветви с сердцевидными листьями. Ткань имеет светло-коричневый («археологический цвет»), однако спектрофотометрическим методом был обнаружен краситель индиготин, т.е. первоначальный цвет был синий [5, с. 121]. Это был один из самых сложных для окрашивания цвет, поэтому ткани синих оттенков, в основном, были привозными. Остальные цвета в XVII в. уже умели получать в России.

Для окрашивания использовали натуральные красители, что придавало изделиям особый колорит и привлекательность. Такие изделия были приятны для глаз и хорошо сочетались между собой. Необходимые цвета мастера получали из коры деревьев, листьев, корней и плодов различных растений. Для получения желтого могли использовать ромашку, зверобой, душицу, клевер седоватый, вереск, опавшие листья липы, яблоневую кору. Различные оттенки коричневого давали шелуха лука, клевер, кора дуба, листья, кора и корни ореха, красный – почки ольхи,

зеленый – листья крапивы, кора граната. Листьями малины и ландыша окрашивали ткань в черный цвет.

Занимались покраской ткани особые мастера-красильщики. За работу они получали жалованье. 5 августа 1613 г. красильному мастеру за чернение 13 аршин сукна было выдано 26 алтын, а он «чернил сукна в верх к мастерицам»³. Для получения нужного цвета необходимо было знать время отмачивания нитей или тканей, температуру воды, иногда и амплитуду движений, которую производили красильщики. Также для приобретения красивых оттенков некоторых цветов учитывались календарные сроки сбора растений и способы их сушки. Часть этих секретов, вероятно, были приобретены от иностранных специалистов. В архиве сохранился документ, зафиксировавший приезд красильных мастеров в Москву. В 1651 г. по челобитной Александра Краферта было рассмотрено дело о пропуске в Москву выписанных им из иностранных государств мастеров, была составлена и отправлена в Архангельск грамота с разрешением «о пропусчении их»⁴. В челобитной шелкового мастера «кизылбашенника Мамаделечки Анитова» 1661 г. сообщается, что ему были даны трое учеников из русских людей, и он их учил «шелковому делу» и «красить»⁵. Постепенно методы окрашивания тканей совершенствовались, а количество мастеров, обладающих этим навыком, увеличивалось.

В захоронении первой супруги царя Ивана Грозного царицы Анастасии Романовны 1560 г. находился саван, сшитый из одного куска ткани, сложенный пополам и прошитый по одной из длинных сторон в форме капюшона. Также сохранился фрагмент ткани с вышивкой тамбурным швом шелковыми нитями красного цвета. Возможно, вышивка находилась на саване, либо в погребении находилось еще одно, не идентифицированное изделие [5, с. 226].

Также зафиксированы примеры целого комплекса текстильных изделий, сопровождавшего женщину после смерти. В погребении 1569 г. царицы Марии Темрюковны, второй жены царя Ивана IV, были обнаружены фрагменты следующих текстильных изделий: савана, обмоток на ноги, погребальной повязки, платья, чулок, шнурок и двух наволочек. Саван был сшит из одного куска шелковой камки коричневого (горчичного) цвета, согнутого пополам и прошитого в форме «капюшона».

³ О сделании в Казенном приказе разного платья, телогреи, кафтанов и прочего и о присылке оных в мастерскую палату // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). 1660 г. Оп. 1. Ч. 6. Д. 6573. Л. 64.

⁴ Дело по челобитью полковника Александра Краферта: о пропуске в Москву выписанных им иностранных государств селитренных и красильных мастеров // Там же. Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию), 1651 г. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁵ Челобитная о даче хозового и шелкового дела // Там же. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. Ч. 6. Д. 7327. Л. 3.

Чулки и погребальная повязка были сшиты из той же шелковой камчатой ткани. Она имела рисунок – плод граната, окруженный листьями [5, с. 370–377]. Мелкие фрагменты шелковой камки коричневого цвета были найдены в захоронении княгини Евфросинии Андреевны Старицкой 1569 г. и царицы Марфы Васильевны Собакиной [Там же, с. 63–65].

Для присутствующих на погребальных церемониях шились специальные панихидные платья. Данные об их изготовлении в документах встречаются крайне редко. Обычно это сведения, связанные не с изготовлением этих одежд, а с продажей излишков материалов из царской казны. Так, в «Книге расходной и приходной государевым и великого князя Алексея Михайловича всея России деньгам» за 1646 г. среди отставного платья, фerezей, шапочных вершков, остатков суконных, бархатных, атласных, камчатных и тафтяных тканей, меховых обрезков, которые были проданы из царской казны, т.к. «ни к какому делу не годились», упоминается и «понахидное холодное платье»⁶.

Многослойность являлась также отличительной особенностью женского костюма в Речи Посполитой, что выражается в ношении рубах и нижних юбок. Для пошива рубашек использовалась льняная ткань, иногда привозное немецкое полотно. Сорочки были длинными, рукава имели манжеты («манкеты»), часто из более тонкого материала, свободно падающие на кисть. Подмышечная ромбовидная часть была из другого материала. С 90-х гг. XVI в. в польских описях имущества помимо повседневных нижних рубах, редко, но встречаются упоминания ночных рубашек, предназначенных именно для сна. В реестрах имущества Радзивиллов есть упоминание «полотна голендерского на 12 кошуль и на ночные кошули» [4, с. 66]. В большинстве же случаев спали в тех рубашках, которые носили в течение дня [9, с. 130]. Следует отметить, что на территории Речи Посполитой термин «сорочка», в основном, использовался крестьянами, духовенством и дворянством православного вероисповедания. Для обозначения рубах, которые носили представители высшего сословия, использовалось наименование «кошуля». Рубахи входили в состав приданого девушек, причем их число всегда превышало количество других предметов одежды. Выходя замуж, крестьянка Аннуша Оношковская принесла в дом мужа 5 женских сорочек⁷. На территории Речи Посполитой только мужские рубашки украшались вышивкой, что позволяло носить этот вид одежды не только

⁶ Книга расходная и приходная государевым и великого князя Алексея Михайловича всея России деньгам 1646 года // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 2. Ч. 1. Д. 637. Л. 90.

⁷ Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. XVII. Вильна, 1890. С. 681.

дома. Со временем рубахи для похорон стали дополнительно украшать лентами и кружевами [9, с. 213–214]. Отсутствие указанного украшения на женских сорочках, возможно, объясняется тем, что поверх них всегда надевали верхнюю одежду, из-под которой сорочка не была видна [4, с. 66].

В ансамбле польской одежды, изготовленной специально для погребения, были выделены фрагменты тринадцати сохранившихся рубашек. Они были сшиты из гладкого шелка. Покрой рубашек отличается простотой. В двух случаях они скроены без задней части, прикрывающей спину [9, с. 149], т.е., скорее всего, они создавались специально для погребения после смерти человека и в сжатые сроки. В ходе археологических исследований было найдено несколько одежд, которые были переделаны для нужд погребальной церемонии из повседневной одежды, сшитой по национальной моде [Там же, с. 155].

Верхней комнатной одеждой женщин в Речи Посполитой была плахта (поясная одежда, полотно шерстяной ткани, который оборачивали вокруг стана, близкая к поневе) и полосатая шерстяная юбка – андарак [8, с. 136]. Верхние юбки польского женского костюма знати шились из шелковых тканей: атласа, дамаска, бархата, парчи. Также очень популярна была одежда из сукна, китайки, мухояра (пестрой льняной ткани с примесью шерсти или хлопка, окрашенных в пряже). Нижние юбки поддерживали и равномерно распределяли складки верхней одежды, а также были дополнительной защитой в холодную погоду [9, с. 113]. Верхняя женская одежда для выхода была довольно разнообразной: сукман (распашная одежда до колен и ниже из простого сукна), сукня (вид платья из сукна, шерсти, шелка или бархата, часто – праздничный наряд), обончик (платье из черного бархата), левитка (платье с разрезом спереди), баския (широкое платье), серпанок (легкая летняя одежда), кабат (вид кафтана) или гарсэт (безрукавка), китлик (короткий кафтан из холста), плахта, саян (распашной женский сарафан с проймами, по другим версиям – плечевая одежда, плащ), чехлик (рубаха, а также юбка), адриан (кофта), амазонка, летник, полчамарок [8, с. 137–139].

В описи женских одежд конца XVI в. из имения Гатово и Нового Двора (территория Великого княжества Литовского, ныне Белоруссия) упоминаются «смуковица мухояровая, лисами подшита, кожушок старый сибирковый один, мятлик мухояровый..., газука фурстатова старая..., однорядка черная, шубка кроликами подшита, шапки две мухояровых..., кошуль долгих 15, рантушков 13...» [4, с. 77–78] и другое. Такие виды одежды, как охабень и однорядка, находят себе аналогии только в одежде русских, у поляков такой вид одежды был не распространен. Помимо шубки, еще одним видом меховой женской одежды

был торлоп, для пошива которого, как правило, использовался мех куниц, гоностаев, соболей [4, с. 83].

В Речи Посполитой, как и в России XVI–XVII вв., для пошива верхней одежды высших сословий использовались привозные ткани – сукна немецкие, чешские, итальянские, голландские, английские, шелк, бархат, которые ввозили через морские порты Гданьск, Крулевец, Ригу. На подкладку при пошиве верхней одежды шло полотно местного производства невысокого качества. Мех соболя привозили из России. Для отделки также использовались изделия московских мастеров, например пуговицы (гузики) [Там же, с. 61].

Разнообразие фасонов и материалов характерно для одежды знатных женщин. У крестьян разновидностей одежды было гораздо меньше, хотя и существовали виды костюма на каждый сезон. Данных об одежде крестьян в источниках содержится не так много, т.к. они не оставляли письменных завещаний и жалоб на воровство было меньше. Использовались более простые, дешевые ткани, в основном, местного производства: холст, грубое домотканное сукно, овчина, шкурки зайца, лисицы, возможно, хорька [8, с. 137–138]. Интересно, что сейм Речи Посполитой вынес ряд постановлений («конституций»), согласно которым мещанам запрещалось шить верхнюю одежду из шелка и дорогих мехов (разрешалось использовать только мех лисиц и «прочих низших сортов»). Постановление 1665 г. установило штраф за ношение мещанами одежды из дорогих мехов и материй. Шелковую ткань они могли использовать только для украшения праздничной одежды. Крестьяне в этих конституциях не упоминаются, очевидно, по причине того, что использовать дорогие материалы у них и так не было возможности [Там же, с. 145].

Женская одежда, найденная в погребениях в Речи Посполитой, представляет платье конической формы, нижней частью которого была гладкая юбка, а верхней – жесткий лиф с воротником, сложенным из нескольких плотных складок холста [10, с. 533]. В XVI и XVII вв. в Речи Посполитой был распространен летник – вид повседневной женской одежды, известный еще со второй половины XV в. Его покрой был достаточно вариативен. Летник мог иметь облегающую форму или быть платьем свободного покроя. Он мог иметь рукава как короткие, так и длинные, либо был скроен без них. Вероятно, летник не имел застежки и надевался через голову [11, с. 24]. В России летник имел более устоявшийся покрой и напоминал византийские одежды. Это была накладная одежда, одеваемая через голову, которая кроилась сорочкой без разреза на полы. От других женских одежд летник отличался очень длинными и широкими рукавами, которые сшивались только до половины их длины, нижняя их часть оставалась несшитой и украшалась вошвами

(кусками ткани, вшитыми как отделка), так что на руке они висели, как перекинутое полотнище [3, с. 581, 637]. Так как это был один из самых распространенных видов женской одежды знатных сословий, указания о пошиве или переделке летников в архивных документах XVII в. содержатся в достаточном количестве. «Строить» означало шить платье. При «построении» костюма портные нередко сочетали гладкую шелковую ткань, тафту с объемным бархатом. Например, в 1660 г. летник «в тафте двоеличной шолк червчат да жолт» было велено подложить киндяком и нашить вошвы из венецианского бархата «по серебряной земле»⁸. В этом же году было сшито еще несколько одеяний такого же покроя. Все отличаются богатым сочетанием тканей, украшений и даже меха. Среди них «летник в отласе цветной по белой земле травы»⁹. «Червчатый» шелк было велено подложить однотонным киндяком зеленого цвета, пришить «подольник» из желтой тафты, «опушить пухом бобровым», нашить вошвы «по бархату червчатому, шиты золотом в травах, оксамиченные серебром»¹⁰. Это был один из самых нарядных и любимых типов одежды цариц и царевен, носимых в летнее время.

В ходе работ, проводимых в skleпах собора в г. Люблине, был найден свободный длинный летник из узорочного шелкового атласа. Ткань украшена растительным орнаментом: на длинном, извивающемся стебле находится стилизованный цветок граната с плодом и зернами в центре. В настоящее время шелк имеет светло-коричневый цвет, первоначально, вероятно, был желтым. Основная конструкция состоит из четырех сильно расширяющихся книзу кусков ткани. По бокам у нижнего края вшиты два разного размера клина. Наряду с национальными элементами женского костюма, с середины XVII в. в его покрое прослеживается влияние западной моды: появляются глубокие овальные вырезы, открывавшие грудь и лопатки. Летник был застегнут только на одну пуговицу, благодаря чему его нижние края расходились в стороны, открывая одежду, которая была внизу. Ширина передней части платья по нижнему краю составляет 166 см, а задней – 124 см. То есть нижняя часть облачения была очень широкой, окружность достигала 290 см, и, вероятно, надевалась на платье или юбку с расширенным силуэтом [9, с. 119]. На территории бывшего Великого княжества Литовского было ощутимо

⁸ О сделании в Казенном приказе разного платья, телогреи, кафтанов и прочего и о присылке оных в мастерскую палату // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). 1660 г. Оп. 1. Ч. 6. Д. 6573. Л. 11.

⁹ Там же.

¹⁰ О сделании в Казенном приказе разного платья, телогреи, кафтанов и прочего и о присылке оных в мастерскую палату // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). 1660 г. Оп. 1. Ч. 6. Д. 6573. Л. 33.

влияние на фасон одежды славянских земель и стран Востока. В описи имущества виленского купца Афанасия Ивановича от 1673 г. среди прочего упоминается платье турецкое вишневого цвета [8, с. 141].

Из склепа часовни замка в г. Щецине было извлечено платье свободного кроя, спереди по всей длине рассечено, рукава очень длинные и от локтей также рассечены. Вдоль застежки, на рукавах по швам и по разрезанным краям пришиты кружева и пуговицы [9, с. 122]. Кружево было одним из самых распространенных украшений одежды, как в Речи Посполитой, так и в России. Один мастер кружевного дела мог делать кружева нескольких типов и из разных материалов, серебряных и золотных нитей. В архивных документах встречаются имена отдельных мастеров. Например, по росписи дел кружевного мастера Федора Корнильева от 1660 г. можно зафиксировать десять видов кружев, которые он умел выполнять: «цепковое золотное», «кованое серебряное», «кованое колесчатое золото с серебром», «кованое серебряное уское», «кованое золотное широкое», «кованое золотное уже того», «кованое золотное уское», «кованое серебряное широкое», «кованое серебряное уже того», «кованое серебряное уское»¹¹. При том, что выше всего ценились привозные широкие немецкие кружева, русские мастера в XVII в. уже обладали технологиями плетения большого количества видов кружевного полотна, которое использовалось для украшения царской одежды.

Кружевные мастера участвовали в изготовлении частей головного убора, который являлся важным элементом женского костюма. На Руси по традиции женщине после замужества не позволялось показывать свои волосы никому, кроме мужа. Отсюда появление довольно сложного комплекса головного убора замужней женщины, первый элемент которого был волосник – шапочка, состоящая из очелья и плетеного сетчатого верха. Поверх волосника одевался убрус – платок, тонкое полотняное или шелковое полотнище, а сверху кика – брачный венец. Все известные средневековые волосники были в различное время извлечены из погребений. Семь волосников были обнаружены в саркофагах Вознесенского монастыря на территории Московского Кремля. Они принадлежали жене Ивана III Софье Палеолог, жене Василия III Елене Глинской, второй и третьей женам Ивана Грозного – Марии Темрюковне и Марфе Собакиной, второй жене Михаила Федоровича Романова Марии Долгорукой и двум неизвестным женщинам. Фрагменты двух волосников были найдены в некрополе Чудова монастыря Московского

¹¹ Роспись кружевам кружевного мастера Федора Корнильева // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. Ч. 6. Д. 7084. Л. 1–4.

Кремля [6, с. 426]. Два волосника было обнаружено при исследовании некрополя Покровского монастыря в Суздале. Один из них принадлежал жене Ивана IV Анне Васильчиковой. В Сергиево-Посадском музее хранится волосник, найденный при вскрытии гробницы царицы Марии Григорьевны Годуновой. Несколько волосников были обнаружены в усыпальнице Новоспасского монастыря [2, с. 100–102].

Очелье волосника выполнялось из шелковой ткани, обычно красного цвета, часто расшитой золотными нитями. По технологии изготовления кружевного верха волосники делятся на два основных типа: выполненные в технике безузловой сети на деревянной рамке и филейные. Принцип плетения первого кружева заключался в следующем: на деревянную рамку натягивались вертикальные параллельные нити, образуя в двух плоскостях четные и нечетные ряды. Затем смежные нити пальцами последовательно перевивались между собой в одну сторону и фиксировались парой палочек. Изделие плелось от концов к середине. Затем сетка стягивалась на макушке, а бока сшивались. Второй вариант – сетка-филе, которая плелась с помощью челнока и спицы. Полученная сетка-квадрат не имела отверстия на темени. Ее натягивали на специальную рамку и различными шелками и пряченым золотом вышивали геометрический орнамент. Затем сетка стягивалась по сторонам на висках [Там же, с. 105–106]. Качественные дорогие материалы и тщательная техника изготовления волосников позволяет говорить о том, что их носили при жизни. В архивных документах удалось найти размер жалованья кружевных мастеров. В 1660 г. кружевнику мастерской палаты было выдано кормовых денег по 10 денег на день, а «завязочникам» и «кружевных дел ученикам» – по 6 денег на день¹².

В гардеробе знатных полек также были шапочки из кружева, которые изготавливались на деревянных дощечках из золотных нитей. На кружеве встречается мотив звезд, цветов и треугольников, складывающихся в квадраты. По краю кружева был протянут узкий скрученный шнур, задача которого была укрепить край и поддерживать форму шапочки. Не было обнаружено никаких элементов, тесемок или лент, служащих для закрепления шапочки на голове. Вероятно, она прикреплялась шпильками [9, с. 186]. Кружевные шапочки по своему назначению аналогичны волосникам русских княгинь и цариц: их использовали в качестве домашнего головного убора либо как внутреннюю часть основного выходного убора. Распространенным головным убором, встречающимся

¹² О выдаче мастерской палаты мастерам людям, кроме портных мастеров, кормовых денег // Российский государственный архив древних актов. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. Ч. 6. Д. 6714. Л. 15.

в польских погребениях, является колпак. Его форма происходит с Ближнего Востока, из Персии. Шили колпаки из войлока, меха, сукна или шелка, украшали шелковыми, серебряными или золотными нитями и кружевами. Носили такой головной убор как мужчины, так и женщины [9, с. 174]. Мнения исследователей о форме этого головного убора разнятся. Польские ученые, как правило, называют колпаком низкие меховые шапки либо головные уборы цилиндрической формы, иногда немного расширяющиеся кверху. Его надевали поверх платка (рантуха), закрывающего уши и шею, или чепца, поля которого были накрахмалены и, выступая из-под колпака, прикрывали лоб и уши. У русских же колпак имел остроконечную форму [4, с. 92–93]. В холодное время года женщины носили меховые шапки. В описи имущества виленского купца Афанасия Ивановича упоминается женская шапочка, украшенная беличьими хвостами [8, с. 141].

Подводя итоги, следует отметить, что в статье дана характеристика костюма знатных женщин России и Речи Посполитой в XVI–XVII вв. и сравнительный анализ текстильных изделий из погребальных комплексов этого времени. Термин «польский костюм» применен в данном случае в широком понимании этого слова и подразумевает костюм бывших территорий Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Среди текстильных изделий, найденных в ходе археологических исследований, как в России, так и в Речи Посполитой, можно выделить три категории: одежда, которую носили при жизни; облачения, специально пошитые к погребению; комбинированный комплекс.

В XVI–XVII вв. распространенным видом погребальной одежды как в России, так и в Речи Посполитой был саван. Спешность его изготовления оставляла отпечатки небрежности при пошиве. Под него одевалась повседневная одежда – платье туникообразного покроя у русских княгинь и цариц и летник у представителей польской знати, как правило, носимые при жизни их владелицами. Фасон летника в Речи Посполитой и России XVI–XVII вв. имел схожий крой и общее происхождение – от византийских одеяний, однако в Речи Посполитой этот вид одежды был более вариативен. Покрой верхних одежд, носимых при жизни женщинами знатных сословий, был различным в двух странах. У русских цариц одеяния были свободного покроя длиной до пола, слитные, не разделенные на верхние и нижние части, таким образом, не выделявшие талию. Подпоясывались только нижние рубахи, которые не были видны. Польки в рассматриваемый период, помимо свободных платьев, могли носить костюм, состоявший из верхних и нижних одежд, таким образом, подчеркивая талию. Кроме того, часть их одеяний была короче, чем у русских женщин, и не обязательно доходила до пола.

С середины XVII в. прослеживаются заимствования западной моды в покрое польской женской одежды знати, однако на территории бывшего Великого княжества Литовского костюм в этот период оставался самобытным так же, как и облачения царик в России, и имел черты костюма славянских земель либо испытывал восточное влияние. В рассматриваемый период ткани в двух странах имели аналогичный орнамент, например, в виде плодов граната, что было обусловлено поступлением шелковых тканей из Италии и с Востока. На одежду крестьян эти заимствования не распространялись. Она шилась из тканей местного производства и имела простой покроей.

Под саваном, помимо повседневной одежды, могла быть также нательная одежда – рубашка, выбранная из гардероба владелицы либо специально изготовленная к похоронной церемонии. Покроей рубашек был максимально прост, декоративное оформление отличалось высоким вкусом и чувством меры. В Речи Посполитой зафиксированы случаи изготовления рубашек специально для погребения, т.к. у них отсутствует задняя часть. Простая одежда, выбранная для погребения, была выражением смирения перед смертью, а также демонстрацией бережного отношения к дорогим материалам, из которых могли впоследствии сшить новое облачение для другой владелицы либо использовать их для церковных нужд. В России примеры изготовления специальных рубах для погребения не зафиксированы, использовалась повседневная нижняя одежда владелиц, а сверху – парадное платье. Дополнительно шились саваны, повязки-венчики и наволочки.

Трудоемкий процесс изготовления головных уборов – волосников на Руси и кружевных шапочек в Речи Посполитой – позволяет сделать вывод о том, что и те, и другие части головного убора не были изготовлены специально для погребения, а были частью женского гардероба при жизни. Все средневековые волосники, известные на сегодняшний день, принадлежали женщинам царского рода или знатных боярских и княжеских родов. Используемые для их изготовления материалы достаточно дороги. Технология исполнения отличается высоким качеством, все они являются высокими произведениями декоративно-прикладного искусства своего времени. Присутствие этих элементов одежды в княжеских и царских некрополях подчеркивает отношение к женским волосам и важность значения женского головного убора для средневекового человека.

Комплексный анализ текстильных изделий России и Речи Посполитой позволил выявить некоторые особенности отношения к одежде в двух странах, определить различные черты в покрое, зафиксировать общие тенденции и взаимовлияния двух стран в XVI–XVII вв.

Существование различных погребальных практик говорит об отсутствии общих правил и алгоритмов при подготовке данных обрядов даже в пределах одной страны.

Библиографический список / References

1. Вишневецкая И.И. Драгоценные ткани. М., 2007. [Vishnevskaya I.I. Dragocennye tkani [Precious fabrics]. M., 2007.]
2. Елкина И.И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в московском Новоспасском монастыре // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. С. 85–114. [Elkina I.I. Headdresses and funeral vestments from the tomb of the Romanov family in the Moscow Novospassky Monastery. *Usypalnica doma Romanovyh v Moskovskom Novospasskom monastyre*. Kostroma, 2005. Pp. 85–114. (In Rus.)]
3. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2014. [Zabelin I.E. Domashnij byt russkikh carej i caric v XVI i XVII stoletiyah [The home life of Russian tsars and queens in the XVI and XVII centuries]. M., 2014.]
4. Молчанова Л.А. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVIII вв. М., 1981. [Molchanova L.A. Oчерki materialnoj kultury belorusov XVI–XVIII vv. [Essays on the material culture of Belarusians of the XVI–XVIII centuries]. M., 1981.]
5. Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований в 4 томах. Т. 3. Ч. 1. М., 2018. [Nekropol russkikh velikih knyagin i caric v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin]. Vol. 3. Part 1. M., 2018.]
6. Спирина Л.М. Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. Л., 1981. С. 455–464. [Spirina L.M. Unknown works of art and historical documents related to the Godunov burial complex. *Pamyatniki kultury. Novye otkrytiya*. Leningrad, 1981. Pp. 455–464. (In Rus.)]
7. Текстильные изделия из раскопок некрополя Чудова монастыря / Синицына Н.П., Яковчик М.С., Энговатова А.В. и др. // Древности Московского Кремля. Т. I. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М., 2022. С. 426–438. [Sinicyna N.P., Yakovchik M.S., Engovatova A.V. et al. Textiles from the excavations of the necropolis of the Chudov Monastery. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya*. Vol. I. Archaeological research at the site of the Chudov Monastery. M., 2022. (In Russ.)]
8. Улащик Н.Н. Одежда белорусов XVI–XVIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. [Ulashchik N.N. Clothes of Belarusians of the XVI–XVIII centuries. *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoj Evropy*. M., 1986. (In Rus.)]
9. Drażkowska A. Dziecięca odzież grobowa z XVII i XVIII wieku. *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. 2006. R. 54. Nr. 2.

10. Drążkowska A. *Odzież grobowa w Rzeczypospolitej w XVII i XVIII wieku*. Toruń, 2008.
11. Gutkowska-Rychlewska M. *Historia ubiorów*. Wrocław, 1968.
12. Turnau I. *Ubiór narodowy w dawnej Rzeczypospolitej*. Warszawa, 1991.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023, принята к публикации 01.07.2023

The article was received on 11.04.2023, accepted for publication 01.07.2023

Сведения об авторе / About the author

Русова Юлия Сергеевна – независимый исследователь, г. Москва

Yulia S. Rusova – independent researcher, Moscow

E-mail: Julia.rusova@gmail.com